

В. И. ГЕОРГИЕВ

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1

В наши дни народы, говорящие на индоевропейских языках, населяют не только почти всю Европу и большие области Азии, но также почти всю Америку и Австралию и некоторые области Африки. Некогда, однако, территория, на которой обитали носители индоевропейских языков, была ограниченной. Известно, что индоевропейские языки были перенесены в Америку и Австралию лишь в последние несколько веков. То же самое можно сказать и относительно Африки, если не считать отдельные древние колонии на северном ее побережье.

На основании различных данных, которые мы черпаем из древней истории, можно определить, что в более отдаленное время индоевропейские племена и народы обитали в Центральной и Восточной Европе, а также в южной части Западной Азии от Черноморья вплоть до Гималаев, исключая Арабский полуостров и Месопотамию. Существует ряд фактов и соображений, показывающих, что арийцы переселились в Индию с запада: они появились в Северо-Западной Индии не позже начала II тысячелетия до н. э.¹ Некоторые другие данные указывают на то, что в более древнюю эпоху северная и центральная области Западной Азии, как и Северная и Северо-Восточная Европа, не были населены индоевропейскими племенами. Наконец, наличие неиндоевропейских языков в Юго-Западной Европе, остатком которых является язык басков, а также и неиндоевропейский характер старинных географических названий в этой области свидетельствуют о том, что некогда Юго-Западная и Западная Европа не были населены индоевропейскими племенами.

Возможно ли в границах этой обширной территории определить более точно область, в которой возникли индоевропейские языки или где говорили на том общем языке, из которого произошли отдельные индоевропейские языки?

Вопрос о первоначальной области, населенной племенами, говорившими на индоевропейском языке-основе, представляет серьезный интерес для языкознания, истории, археологии и этнографии. Он тесно связан с проблемой генезиса европейских народов, называемой обыкновенно «проблемой прародины индоевропейцев», которая многократно рассматривалась и обсуждалась. Частным ее вопросом является вопрос об этногенезе славян.

¹ Ср. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 37. По мнению В. В. Струве («Вестник АН СССР», 1947, № 8, стр. 51 и сл.), арийцы вторглись в Индию в первой половине III тысячелетия до н. э.

Некогда славянские племена не занимали столь обширную территорию, как в наши дни. Часть из них начала переселяться на Балканский полуостров лишь в VI в. до н. э. Их распространение на восток, север и юг, в теперешнюю Европейскую часть Советского Союза, является историческим фактом. Принимая во внимание сведения, почерпнутые у древних писателей, соображения языкового порядка, а также археологические и этнографические данные, мы можем установить, что некогда славяне населяли область приблизительно между р. Одрой и верховьями Оки и Дона, на север от Карпат и на юг от Балтийского моря. Эта территория может быть обозначена термином «прародина славянских языков». На этой территории говорили на славянском языке-основе, или на праславянском языке.

Лучшим примером того, что такое вообще язык-основа и прародина языков, может служить история латинского языка. Латинский — это язык-основа, а Рим вместе с окрестностями — прародина романских языков. Из истории латинского и романских языков, которую можно проследить на протяжении приблизительно 25 веков, видно, как латинский язык, на котором говорили в середине I тысячелетия до н. э. только в Риме и его окрестностях, распространяется вследствие военных походов и колонизации по всей Италии, в современной Франции и Испании, отчасти на Балканском полуострове и в других местах. Во второй половине I тысячелетия в остальных частях Италии говорили на самых различных языках: оскском, умбрском, мессапском, греческом, этрусском, венецком, кельтском, лигурийском. Но латинский вышел победителем, а упомянутые языки со временем отмерли.

Распространение языков происходит двумя способами: с одной стороны, путем естественного прироста населения и миграции, и, с другой — путем вытеснения одного языка другим и отмирания побежденных языков. При первобытно-общинном строе распространение языков происходило обыкновенно первым путем, в эпоху разложения первобытного строя и в классовом обществе преобладал второй способ. Так, например, нынешние романские народы не представляют собой биологических потомков римлян, т. е. они не возникли путем деления и миграций. Они были нелатинскими племенами, утратившими свои языки в процессе латинизации. Поэтому можно говорить лишь о «прародине языков», но отнюдь не о «прародине народов».

«Прародина данных языков» не означает исконного местожительства племен, говорящих на них; нельзя считать, что данные племена или народы возникли и развивались исконно на том месте, которое мы называем прародиной их языков. Понятие «прародина» ограничено во времени, так же, как ограничено во времени и понятие «язык-основа». Оно означает, что в определенное время какое-то племя или группа племен, говорящих на данном языке, обитали на значительно более ограниченной территории. Это вместе с тем не исключает возможности, что предшественники этого племени или этой группы племен были переселенцами. Так, в частности, итальянцы переселились в область Рима из какой-то другой области, однако именно в Риме оформился окончательно тот язык, который представляет собой язык-основу современных романских языков.

Некоторые буржуазные лингвисты и археологи употребляют термин «пранарод». Понятия «язык-основа» и «пранарод» не соотносительны. Язык-основа — это язык одного племени или группы племен, из которого в дальнейшем развиваются языки данной группы народов. Термин «пранарод» ошибочен, он является немарксистским, потому что в первобытно-общинном строе не было народов, а существовали лишь роды, племена и племенные союзы.

Язык появился несколько сот тысячелетий тому назад вместе с появлением первых (или первого?) стадных коллективов людей¹. Современный человек существовал уже около 50 тыс. лет тому назад. Следовательно, как индоевропейский язык-основа, так и все другие семьи языков имеют историю во много десятков тысяч лет. При нынешнем состоянии науки о языке не существует никаких достоверных данных или правдоподобных соображений для определения той территории, на которой возник индоевропейский «праязык».

Научная постановка проблемы о «прародине» индоевропейских языков может быть сведена к следующему: на какой сравнительно ограниченной территории обитали племена, говорящие на индоевропейских языках, в последние тысячелетия существования первобытно-общинного строя, т. е. до появления классового общества и письменности.

Предварительное уточнение этих принципиальных положений необходимо, так как в наши дни в буржуазном языкознании преобладают взгляды, основывающиеся на ошибочных предпосылках. Известно, что многие немецкие языковеды и археологи, исходя из шовинистических или расистских соображений, пытаются доказать, что Северная или Средняя Германия и некоторые соседние с ней области будто бы были прародиной индоевропейских племен. Они утверждают, что индоевропейцы были носителями так называемой «шнуровой керамики», и в связи с ее распространением стараются установить, что расселение индоевропейцев якобы началось из Северной или Средней Германии в конце III тысячелетия до н. э.² С другой стороны, немецкие расисты утверждают, что особенности языков возникают на основе биологических качеств различных рас. Таким образом, они связывают возникновение отдельных языковых семей с определенными расами и приписывают создание особого строя «индогерманского праязыка» так называемой «нордической расе». Подобные взгляды нельзя назвать научными: родство языков не имеет ничего общего с биологическим родством, с делением человечества на расы, которые были смешанными уже в древнейшие времена. Культура шнуровой керамики, культура расписной керамики, культура ленточной керамики и т. д. — это различные культуры разных индоевропейских племен или групп племен III тысячелетия. Раньше же на этой территории обитали разграниченные уже в отношении языка индоевропейские племена, которым керамика была незнакома, так как они были скотоводами или примитивными земледельцами, но не гончарами.

Несмотря на то, что большинству языковедов и археологов чужды подобные шовинистические и расистские концепции, все же некоторые положения этой теории имеют широкое распространение. Это относится,

¹ Человечество существует на земле (по расчетам, имеющим вполне научный характер, но, конечно, весьма приблизительным) около 1 млн. лет (см. М. О. К о с в е н, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 3).

² См.: Н. Н и р т, Indogerm. Grammatik, Teil I, Heidelberg, 1927, стр. 74 и сл. (Северная Германия; стр. 96: «Расселение индоевропейцев между 1800—2000 до н. э.»); F. S p r e s s e r, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», Bd. LXII, 1935, стр. 106 и сл.; е г о ж е, Der Ursprung der indogerm. Deklination, Göttingen, 1944, стр. 2 и сл. (Средняя и Северная Германия: «шнуровая» керамика); P. K r e t s c h m e r, «Glotta», Bd. XXVIII, 1940, стр. 276 и сл. (Тюрингия, Саксония и Северная Германия; «шнуровая» керамика); P. T h i e m e, Die Heimat der indogerm. Gemeinsprache, Wiesbaden, 1954, стр. 566 (бассейн рек Вислы, Одры, Эльбы и Везера). См. также: W. S c h u l z, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», Bd. LXII, 1935, стр. 184 и сл. («северная культура» и «шнуровая» керамика; «расселение» к концу III тысячелетия до н. э.); C. S c h u c h h a r d t, Alteuropa, Berlin, 1941; W. K r a i k e r, «Rasse», V, 1939, стр. 369 и сл.; е г о ж е, «Die Antike», Bd. 15, 1939, стр. 195 и сл.; статьи Н. S e g e r, E. S p r o c k h o f f, O. R e s c h e — в сб. «Germanen und Indogermanen», I, Heidelberg, 1936 и др.

например, к довольно распространенному положению о том, что индоевропейские языки якобы отделились от индоевропейского языка-основы в конце III тысячелетия.

*

Основная ошибка старых концепций о генезисе индоевропейских языков состоит в том, что образование этих языков, их «отделение» от индоевропейского языка-основы относится к довольно поздней эпохе, обыкновенно к середине или даже к концу III тысячелетия до н.э. Новые данные показывают, что такой взгляд несостоятелен¹.

Хеттский язык, древнейшие письменные памятники которого восходят к XVIII в. до н.э., представляет обособившийся индоевропейский язык. Он действительно сохраняет много архаических черт, но содержит также и немалое количество новообразований. Известно, что при первобытно-общинном строе процесс изменений в общественной жизни и в языке происходит тем медленнее, чем дальше мы проникаем вглубь тысячелетий: для малейших изменений требовались тогда не столетия, а тысячелетия. Следовательно, эти изменения предполагают весьма продолжительный процесс развития, в рамках которого мог обособиться отдельный язык от первоначального индоевропейского языка-основы. Это соображение подтверждается и целым рядом других фактов.

В переднеазиатских текстах первой половины и середины II тысячелетия до н.э. засвидетельствованы индийские и иранские слова и собственные имена, как, например, *šuriaš* (= др.-инд. *sūryas* «солнце» в вавилонских текстах середины XVIII в.) — имя бога солнца у каситов (или косейцев)². В хеттских текстах середины того же тысячелетия упоминается несколько индийских слов, как *panza*-«пять», *aika*-«один» и т.д. На основании изменений $l > r$, $k^w e > ce$ (z вместо c), $o > a$, $oi > ai$, $e > a$ можно сделать вывод, что эти материалы относятся к обособленному индийскому языку. Изменение $k^w e > ce$ произошло до перехода $e > a$. Только для этих двух последовательных изменений был необходим весьма продолжительный период времени. О большой древности обособленного праиранского или праиндийского языка свидетельствует семитское слово «лошадь» (аккад. *šisū*, еврейск. *sūs*), заимствованное, по всей вероятности, из праиранск. (праиндийск.) **aswa-s* «лошадь» < и.-е. **ek'wo-s*³. Следовательно, обособление древнеиндийского и иранского языков предполагает отделение от остальных индоевропейских языков ранее середины III тысячелетия до н.э.

Наличие старинных иранских заимствований в угро-финских языках приводит нас к тому же заключению. Племена, говорившие на обособленном иранском языке, были, повидимому, в весьма отдаленную эпоху, т.е. не позже второй половины III тысячелетия, южными и юго-западными соседями угро-финнов, когда последние обитали на гораздо более ограниченной территории, где-то в пределах Урала, по соседству с р. Камой. Это видно из древних иранских и праиранских заимствований в угро-финских языках⁴. Следовательно, обособленные иранские племена населяли

¹ Ср.: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Sofia, 1941—1945, стр. 153 и сл.; Н. К р а h e, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Berlin, 1943, стр. 30 и сл.

² Ср. Н. S c h m ö c k e l, *Die ersten Arier im Alten Orient*, Leipzig, 1938, стр. 6 и сл., 10 и сл., 20.

³ Ср. М. M a y r h o f e r, *Etym. Wörterbuch des Altindischen*, Heidelberg, 1953/4, стр. 62.

⁴ См. П. X а й д у, *Acta Linguistica*, t. II, Budapest, 1953, стр. 271 и 290.

южную Европейскую часть СССР в середине III тысячелетия до н. э.¹, а вероятно, даже и гораздо раньше.

Расшифрованные недавно крито-микенские памятники, написанные линейным письмом В, восходящие к XV—XII вв. до н. э. (так же, как и тексты, написанные линейным письмом А, датированные XVII—XVI вв.), раскрыли нам особый греческий диалект. Еще до этого периода антевокальное и интервокальное *s* исчезло, звонкие аспираты перешли в глухие, сочетание *ti* перешло в *si*, сочетание *gj* перешло в *z* (или *g'*, *d'?*), сочетание *i* + гласный перешло в *z* (или *d'*, *g'*), вполне установились новообразованные окончания *-xo* в родительном падеже основ на *-ā* мужского рода и *-xou* в родительном падеже множественного числа основ на *-ā* женского рода, исчезли аблятив и инструменталь и т. д. Такие изменения предполагают также тысячелетнюю историю обособленного греческого языка.

Итак, индоевропейские языки существовали и развивались многие тысячи лет.

2

Имеются серьезные основания предполагать, что индоевропейские племена обитали в более древнюю эпоху в Восточной и Центральной Европе, между Доном и Рейном, южнее Балтийского и Северного морей. За пределами первоначальной области их расселения оставались Западная и Юго-Западная Европа, включая Италию, а также и Северная и Восточная Европа на восток от Дона (и нижнего течения Волги).

Как можно заключить на основании археологических данных, эта область в эпоху палеолита была очень слабо населена. В начале четвертичного периода Европейский континент пережил эпоху великого оледенения. В течение ледниковой эпохи, длившейся многие сотни тысячелетий, климатические условия не были постоянными. Временами наступало потепление, ледники таяли и отступали на север. Новое похолодание снова приводило к росту и наступлению льдов. Так, например, на территории Польши установлено четыре периода наступления льдов. В зависимости от наступления и отступления ледников изменялся облик страны. С наступлением льда гибли и отходили к югу фауна и флора, не приспособленные к суровым климатическим условиям. При отступлении ледника тундра передвигалась на север и на ее месте появлялись степи и леса². В конце палеолита вся северная часть указанной выше области была покрыта льдом и, по всей вероятности, не была обитаема. Балтийские страны, например, где ледники отступили поздно, стали впервые заселяться человеком в эпоху лингби, которая хронологически соответствует мезолиту. Все стоянки типа лингби являются временными. Охотничьи группы, впервые передвигавшиеся в Северную Европу, вели подвижный образ жизни³. Южнее человек появился намного раньше. Так, на территорию теперешней Чехословакии первые люди пришли, вероятно, из восточноевропейских областей приблизительно сто тысяч лет тому назад⁴. Дунайская область и Северное Причерноморье никогда не подвергались оледенению; здесь человек появился еще раньше⁵, продвигаясь, повидимому, с юга⁶.

¹ См. В. И. Лыткин, ВЯ, 1953, № 5, стр. 57 и сл., 51 и сл.

² Ср. «История Польши», под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, т. I, М., 1954, стр. 15 и сл.

³ См. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 46.

⁴ Ср. З. д. Неедлы, История чешского народа, т. I, М., 1952, стр. 30 и сл.

⁵ См. А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 34 и сл., 39.

⁶ См. сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 412.

Около 15 тыс. лет тому назад ледниковый период закончился. Наступил мезолит. Климат, растительный и животный мир Европы приобрели характер, близкий к современному. Во время мезолита (XV/XII—VII/VI тысячелетия до н. э.) вышеупомянутая область, очевидно, тоже была очень слабо населенной: редкие находки мезолита встречаются по Северному Причерноморью и отчасти по среднему течению Дуная. Здесь появляется более значительное население лишь в начале неолита, т. е. приблизительно с VI тысячелетия до н. э.

Человек постепенно заселял северные области рассматриваемой территории, продвигаясь с юга, от Дунайского бассейна и Северного Причерноморья. Так в общих чертах осуществлялось распространение индоевропейских племен в эпоху палеолита, мезолита и отчасти раннего неолита. Движение главным образом вдоль водных путей, с юга на север, приводило к освоению обширных пространств, и так как расселение шло большей частью из разных областей на юге, расселившиеся группы, сохраняя признаки этнической общности, при оседании на больших расстояниях неизбежно с течением времени должны все больше и больше отличаться друг от друга¹. Только когда во второй половине неолита и позже эти области были уже довольно плотно заселены, начинаются движения с севера на юг. Вообще в эпоху мезолита и неолита огромным процессом распространения племен и языков было освоение огромных пространств свободной территории. Лишь позднее, когда упомянутая область была заселена довольно густо, начинается распространение путем захвата чужих территорий вместе с населявшими их племенами и народами.

Изменения в обществе и в языке в эпоху первобытно-общинного строя происходили крайне медленно. Поэтому, если нам удастся установить некоторые факты в области языка, восходящие к концу первобытно-общинного строя, мы можем отнести их к гораздо более отдаленному периоду.

Как было указано выше, некоторые индоевропейские языки были оформлены уже в III тысячелетии до н. э. Это означает, что в течение IV и V тысячелетий и даже гораздо раньше индоевропейские племена населяли довольно большую территорию, в рамках которой в течение длительного периода времени могли дифференцироваться отдельные индоевропейские языки². У нас есть серьезные основания предполагать, что эта обширная область была населена индоевропейскими племенами по крайней мере со времени мезолита. Основная масса населения здесь говорила на индоевропейских диалектах и языках. Вероятно, уже в старые времена сюда проникали меньшие или большие группы неиндоевропейских племен, но они не оставили существенных следов.

На северо-восток от этой области вплоть до III тысячелетия до н. э., повидимому, не было никакого населения или, если таковое существовало, оно было чрезвычайно редким. Вообще до вторжения тюрко-татарских племен и народов, начавшегося с IV в. н. э., европейская территория СССР, исключая Кавказ, была населена племенами и народами только двух языковых семей — индоевропейской и угро-финской

¹ Именно так распространялись племена в Европейской части СССР, ср. А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952, стр. 252 и сл.

² По мнению Г. Кюна (H. Kühn, «Proceedings of the First international congress of prehistoric and Protohistoric Sciences, London, August 1—6 1932», Oxford—London, 1934, стр. 237 и сл.), индоевропейцы не были разделены во время палеолита и мезолита, но во время неолита говорили уже на различных языках. Ср. также: С. Карстиев, *Historische deutsche Grammatik*, Heidelberg, 1939, стр. XI и сл.; Н. Крабе, указ. соч., стр. 30; О. Парет, *Das neue Bild der Vorgeschichte*, Stuttgart, 1948, стр. 113 и сл.

(или уральской) на севере. Этот вывод можно сделать на основании сведений античных авторов и в особенности на основании географических названий на данной территории. Здесь нет никаких достоверных следов кавказской топонимики, исключая области самого Кавказа. Нет никаких серьезных данных, указывающих на то, что кавказские племена обитали западнее и севернее линии Азовское море — устье Волги¹.

Т. Лер-Силавинский приводит серьезные аргументы в пользу предположения, что прародина славян находилась в бассейне р. Вислы². С другой стороны, М. Фасмер указывает на то, что древняя топонимика, в особенности же названия рек и водных бассейнов в области от Восточной Галлии, через Вольту, Подолье, Киев, Чернигов, Могилев, Полтаву, Курск, Орел, вплоть до верховья Дона — старинного славянского происхождения³. Он обращает внимание на то, что севернее области, населенной славянами, обитали балтийские племена. Это видно из наличия старинных балтийских географических названий в районах Вильнюса, Гродно, Минска, Витебска, Смоленска и даже Калуги и Можайска. Угро-финские племена первоначально населяли территорию на север и северо-восток от балтийских племен, по ту сторону линии Псков — Москва⁴.

Древнейшими обитателями территории между Балтийским морем и верховьем Волги, как и всей области между Балтийским морем и Уралом, были, по всей вероятности, угро-финские племена. На основании распространения так называемой культуры гребенчатой керамики, носителями которой были, повидимому, угро-финские племена, можно определить следующее: во второй половине III тысячелетия угро-финские племена, ведущие кочевой, рыбацко-охотничий образ жизни, распространяются от подножья Урала широко на запад, охватывая прибалтийские области и проникая вплоть до нижнего течения Одры и на юг к Силезии и Малопольше, Мазовше, Подлясье и пространству на север от Припяти⁵. Это первые более или менее значительные по числу неиндоевропейские племена, проникающие с востока в прародину индоевропейцев. Прошедшие на запад угро-финские племена были ассимилированы многочисленным индоевропейским населением⁶. Гораздо позднее, лишь в первых веках до новой эры, с востока начинается массовое вторжение тюркских племен. Можно предполагать, что подобные инфильтрации неиндоевропейских племен произошли также на западе⁷ и на юго-востоке. Кроме того, при раннем развитии рабовладельческого общества в Эгейской области, сюда было ввезено большое количество рабов (в классическую эпоху рабы в Афинах во много раз превышали по числу свободное население), позднее ассимилированных выходцев из различных стран Средиземноморья.

¹ См. M. V a s m ̄ e r, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, Berlin, 1941, стр. 5 и сл., 32 и сл.

² См. T. L e h r-S p ł a w i ̄ n s k i, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946; е го же, The Original and Ancestral Home of the Slavs, Poznań, 1947; е го же, Польский язык, М., 1954, стр. 9 и сл.

³ См. M. V a s m ̄ e r, указ. соч., стр. 14 и сл.

⁴ См. там же, стр. 18 и сл.

⁵ См. T. L e h r-S p ł a w i ̄ n s k i, Польский язык, стр. 19 и сл.

⁶ Некоторые особенности балто-славянских языков могут быть объяснены воздействием угро-финских языков, как, например, употребление творительного падежа в качестве сказуемого, употребление в функции дополнения родительного падежа вместо винительного при глаголах с отрицанием и т. д.; см. T. L e h r-S p ł a w i ̄ n s k i, O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, стр. 136 и сл.; е го же, ВЯ, 1955, № 1, стр. 155. Угро-финского происхождения также имена озер *Вины*, *Лемпно*, *Лампани* и рек *Нискржа*, *Фая*, *Соса*, *Неман*, *Немига* и др. (см. T. L e h r-S p ł a w i ̄ n s k i, Польский язык, стр. 14).

⁷ Носители так называемой «мегалитической культуры» проникли, повидимому, с Запада.

земноморья¹. Все-таки основной массой населения в пределах вышеуказанной территории были всегда индоевропейцы, которые быстро ассимилировали иноязычные племена.

*

Сравнительно-историческое исследование лексики индоевропейских языков приводит к заключению, что всем или почти всем индоевропейским племенам были известны следующие домашние и дикие животные: собака, овца, корова и вол (бык), лошадь, свинья, коза; волк, медведь, мышь. Кроме того, во многих индоевропейских языках засвидетельствованы родственные названия следующих диких животных, птиц, насекомых и деревьев: ж и в о т н ы е: лисица, олень, рысь, заяц, змея, еж, черепаха, выдра, бобр; п т и ц ы: гусь, утка, нырок, орел, сокол, журавль, дрозд; н а с е к о м ы е: муха, овод, оса, пчела, вошь, блоха; д е р е в ь я: береза, бук, дуб, ель, ива, ольха, осина, сосна, тис, ясень. К общиндоевропейской лексике принадлежат также слова *зима* и *снег*.

Едиственное дерево, название которого можно считать общиндоевропейским, — береза. Главная область распространения березы — от Восточной Европы до Южной Сибири. Наличие общего названия бука в некоторых из индоевропейских языков указывает на то, что часть индоевропейских племен обитала в Центральной и Восточной Европе в пределах границы бука, т. е. западнее линии Калининград—Крым. На основании таких данных сделан вывод, что в более древние времена индоевропейские племена обитали в Европе или Азии, в областях с умеренным климатом.

Человек прошел длинный путь от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию. Наличие общиндоевропейских названий ряда домашних и диких животных и отсутствие обозначений для понятий, связанных с земледелием², и общиндоевропейских названий металлов показывает, что обособление индоевропейских языков было осуществлено еще до окончательного установления земледелия, т. е. прежде конца неолита (до III тысячелетия до н. э.). Этот факт находится в согласии с вышеприведенными данными. В общем, на основании данных общиндоевропейской лексики, можно заключить, что в первой половине неолита индоевропейские племена были главным образом раннекотоводческими: земледелие только зарождалось. Однако после обособления индо-иранского и некоторых других языков связь между остальными индоевропейскими племенами и языками не была прервана и в их среде могли возникать общие земледельческие термины.

Известно, что смешение языков — одна из важнейших причин коренных изменений в структуре языка. Притом, чем более субстрат различается от суперстрата, т. е. побежденный язык от победившего, тем более значительны изменения. Доказательством этого являются современные индийские языки, которые существенно изменились в сравнении с индоевропейским языком-основой; такие же примеры дают хеттский, армянский, ирландский и другие языки. В упомянутой выше области мы находим самый архаический (из существующих ныне) индоевропейский язык — литовский. Это объясняется тем, что литовский развивался в рамках своей довольно древней родины (или неподалеку от нее) и испытывал воздействие только со стороны самых близких родственных язы-

¹ Этот процесс напоминает историю негров США.

² Ср. O. Schraeder — H. Krahe, *Die Indogermanen*, Leipzig, 1935, стр. 23 и сл., 29 и сл.

ков — славянских и германских, а в очень малой степени — угро-финских. Этот факт имеет значение при определении прародины индоевропейских языков.

3

Относительно языковой принадлежности древнейшего населения данной области можно делать ценные заключения на основании исследования географических названий. Особенно важное значение имеют названия больших рек и гор. В первобытно-общинном строе и даже еще позднее население часто покидало и даже уничтожало свои населенные пункты. Поэтому названия селений не могут дать нам вполне достоверных указаний о древнейшем населении данной области. Следовательно, названия больших рек, в одних пространствах и гор имеют в данном отношении наибольшее значение, потому что они обыкновенно сохраняются в течение долгого времени, независимо от смены населения. Все названия такого рода в рассматриваемой области имеют явно индоевропейское происхождение. Укажем здесь только самые важные из них.

Πῦτος 'Αξεινος — *Черное море*. Более старинная форма этого названия — 'Αξεινος (Pind., Eur., Oph. Arg. и т. д.); идентифицированное по народной этимологии с αξεινος «негостеприимный», оно было изменено по эвфемистическим соображениям в Εὔξεινος (Pind., Eur., Hdt. и т. д.) = εὔξεινος «гостеприимный». Сведения об этом изменении мы черпаем у древних греческих писателей. 'Αξεινος заимствовано из иранского; ср. авест. *axšaēna* «темный, черный»¹. Названия *Черное море*, турецк. *Karadeniz* представляют перевод древнего иранского названия. Еще с древнейших времен, по крайней мере с III тысячелетия до н. э., иранские племена обитали в областях, расположенных по северному побережью Черного моря, как видно из иранского происхождения названий всех больших рек в этой области, как 'Pā — *Волга, Дон, Донец, Днепр, Днестр* и т. д.

'Pā — *Волга*. Название 'Pā, засвидетельствованное у Птолемея, иранского происхождения; ср. авест. *Raohā* (название реки), др.-инд. *Rasā* (название реки), слав. *rosa*. Более позднее слово *Волга* — славянского происхождения; ср. русск. *волглый* «пьяный». Мордовское название *Рав, Раво, Рава* заимствовано из иранского².

Иранского происхождения также все имена больших рек в Северном Причерноморье.

Τάναις — *Дон*. Наименование Τάναις засвидетельствовано впервые у Геродота. Оно происходит из иранского слова **dānu*- (жен. род), осет. *don* «вода, река».

Βορυσθένης — Δάνατρίς — *Днепр*. Слово Βορυσθένης как обозначение Днепра засвидетельствовано со времени Геродота. Сильно грецизированное название следует толковать как иранское: **vouru-stāna* (или **varu-*) «широкое место, широкая область» ивизиется, по всей вероятности, обозначением устья реки; ср. название *Большой луг* в нижнем течении Днепра. Слово Δάνατρίς засвидетельствовано в первый раз в Аноним. peripl. Ponti Euxini, 58; оно происходит из иранского **dānu-apara-* «задняя, отдаленная (потусторонняя) река» (или *āpra-* «глубокий?»); см. *Днепр*.

'Υπανις — *Буг*. Слово 'Υπανις, засвидетельствованное у Геродота, можно толковать как иранское от и.-е. **su-pani-* «хорошее озеро (болото)». Название *Буг* родственно немецкому слову *Bach* «поток»³.

Τόρξ, Τόραξ — *Danastius, Danaster* — *Днепр*. Слово Τόρξ, засвидетельствованное впервые у Геродота, представляет собой иранское прилагательное *tāras* «быстрый, сильный». Название *Danastius* (Amm. Marc.), *Danaster* (Iord). Δάναστρίς (Theoph. и др.) следует толковать как иран. **dānu-nazdyō* «ближайшая (по эту сторону) река», и противовес Δάνατρίς, см. выше.

¹ Ср.: M. Vasmer, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, Die Iranier in Südrussland, Leipzig, 1923, стр. 20; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 158 и сл.

² Ср. M. Vasmer, Russ. etym. Wörterbuch, Heidelberg, 1950 и сл., стр. 216 и сл.

³ Ср. J. Rozwadowski, Studia nad nazwami wód słowiańskich, Kraków, 1948, стр. 238 и сл.

Также индоевропейского происхождения название реки Дуная, как и всех его притоков, из которых здесь будут рассмотрены лишь самые значительные.

¹Ἰστρος — Дунай. Древнее название Дуная ²Ἰστρος засвидетельствованное со времен Гесиода (VIII в. до н. э.), — фракийского происхождения: оно восходит к и.-е. *is(ə)ro-s с эпентетической согласной *t* между *s* и *r* и родственно с др.-инд. *i-ira-* «сильный, буйный», *i-yati* «торопиться», дорич. ἰσρός, аггич. ἰερός «сильный, мощный, буйный», кельт. *Isara* — название реки и т. д.¹ Позднее слово Дунай вытесняет ²Ἰστρος: Дунай представляет кельтское название среднего и верхнего течения той же реки² (а в ее ояты, и иранское название ее нижнего течения). Наименование это было перенесено по нижнему течению реки с вторжением кельтов на восток. Стефан Византийский и Евстафий указывают на то, что ²Ἰστρος назывался скифами Μάρσας. П. Кречмер правильно интерпретирует данное название как иранское (скифское) из **madivas*, **madvas*, сравнивая его с вед. *madati* «кипеть, вскипеть, волноваться, хлопотать», лат. *mado* «быть влажным, мокрым» и т. д.³

Πόρατα, Πυρετός — Прут, левый приток Дуная. Название Πόρατα, Πυρετός встречается впервые у Геродота. Оно иранского происхождения; ср. авест. *prəθti-* «широкий», авест. *prəθti-* «брод», осет. *ford* «большая река, море»⁴.

⁵Ἰερασός (Ptol. 3,8,4) — Серет, левый приток Дуная в Румынии. В тексте Птоломея допущена ошибка I-Σ вместо Σ-Τ, т. е. вместо **Seretus* — *Seret*, вероятно по причине связывания иностранного имени с греческим словом ἱερός «святой». Название *Seret* родственно с др.-инд. *sariti* (жен. род.) «поток, река», *sarati* «течет»; оно фракийского происхождения. Ср. античное название города Σερετίου в Далмации⁵.

⁶Ἀλοῦταξ (Ptol.) — Олт, левый приток Дуная в Румынии. Слово Ἀλοῦταξ, позже *Alutus*, рум. *Alt*, *Olt*, засвидетельствованное впервые у Птоломея, — фракийского (или иранского) происхождения; ср. название реки *Alma* (< др.-русск. **Alma*) к юго-востоку от Киева, названия литовских рек *Aluntā*, *Aluo(n)ta*, *Alantas*, латв. *aluōts* «источник», иран. *Alonta* (с) (река Каспийского бассейна) и др.⁶

Иранского или фракийского происхождения все древние названия рек в Румынии, например: Νάρηκος (Ap. Rhod), Ναράκιον ὄψα (Argian.), Ναράκιον — древнее название одного из рукавов Дуная (Сулинского канала) = др.-осет. *narak* «узкий, тесный»⁷, Βυζαῦ (Μουσεός, вместо *Μπουσείος, Βυζῆνι, Βυζευ)⁸ — правый приток р. Серет, *Αργεῖσι* (⁹Ὀρθησός, ¹⁰Ἀργεῖσος, ¹¹Ἀργῖσος, *Arghis*, *Argyas*, *Arges*), *Τυμίου* (Τίβισις, Τίβισκος) — левый приток Дуная, *Μυρῆσι* (Μάρσις, Μάρσος, *Marus*, *Marisia*) — левый приток р. Тиссы, *Ἀμροί* (*Ἄμροϊ*, *Ἀμρεῖ*, *Ἀμρεῖ*) — приток Муреша ¹²Ἀραρος — неизвестный приток Дуная (= кельт. *Arar* — название реки)⁹. ¹³Ραβών (ныне *Jiu*) — приток Дуная (см. ниже), *Sargetia* и др.¹⁰

Pathissus, *Tisax* — *Tisza*, левый приток Дуная в Венгрии и Югославии. Это название встречается в нескольких вариантах: *Pathissus* (Plin.; Παρίσος вместо Πάθισος или Πάτισος, Strab.; Παρτίσκον вместо Πάτισσον — название города, Ptol. и *Parthiscus*, Amm., = *Pathissus*), *Tisax* (Τίγας, Prisc.), *Tisia* (Iord.), *Tisós* (Theophyl. Sim.) и т. д. Начальный слог *pa-* соответствует славянскому (и фрак.) *po-*; ср. серб. *По-мусје* «область реки Тиссы», русск. *По-волжье* и т. п.; слав. *po-* восходит к более старинному *pa-* = лит. *pa-* < и.-е. **po-*. Следовательно, название реки было *Tisax*, а города или области — *Pat(h)is(s)us*. Это название фракийского или славянского происхождения; ср. др.-болг. *tisа*, *tisue*, *tisъ*, русск., болг. *tis*¹¹.

¹ См. J. Fokorny, *Indogerm. etym. Wörterbuch*, Bern, 1948 и сл., стр. 299 и сл.

² См. H. Krahe, *Sprache und Vorzeit*, Heidelberg, 1954, стр. 130.

³ P. Kretschmer, «Glotta», Bd. XXIV, 1935, стр. 5 и сл.

⁴ О происхождении имен *Ἰστρος*, *Βορσθηνός*, *Δανάτρις*, *Ἰπτανίς*, *Τύρης*, *Πόρατα* см.: M. Vasmer, *Untersuchungen...*, стр. 74, 65 и сл., 61 и сл.; P. Kretschmer, «Glotta», Bd. XXIV, 1935, стр. 11 и сл.; В. И. Абаев, указ. соч., стр. 162, 177, 183, 185.

⁵ См. H. Krahe, *Die illyrische Namengebung*, «Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft», Bd. I, 1947, стр. 220.

⁶ См.: J. Rozwadowski, указ. соч., стр. 277; H. Krahe, *Sprache und Vorzeit*, стр. 49.

⁷ Ср. В. И. Абаев, указ. соч., стр. 174.

⁸ Ср. фракийские географические названия *Βόζας*, *Βόζης*, *Βόζος* < фрак. **βυζ-* = новоперс. *buz* «коза, козел».

⁹ Ср. H. Krahe, *Sprache und Vorzeit*, стр. 50.

¹⁰ Ср. A. Rosetti, *Istoria limbii române*, Bd. II, București, 1938, стр. 53 и сл., 63 и сл.

¹¹ См. в последнее время S. Szádeczky-Kardoss, «Acta antiqua», t. II, Budapest, 1953, стр. 77 и сл.; однако предположение, что *Tisax* = иран. **tijah* «река» (?), не убедительно.

Marus (Plin., Tac.), ныне *Morava* (нем. *March*) — левый приток Дуная в Чехословакии. Название родственно с лат. *mare* «море», русск. *море*, англо-сакс. *merisc* «болот», нем. *Marsch* «топь, болотистое место», и др.¹

Naba (IX в.), ныне *Naab* — левый приток Дуная в Баварии. Название восходит к и.-е. **nobhā*².

Притоки Дуная в Болгарии будут рассмотрены в дальнейшем. Здесь мы указываем на происхождение наименований некоторых из самых важных притоков Дуная в Югославии, Австрии и Германии.

Márvos, *Várvos* (Strab.), *Margis* (Plin.) — *Morava*, правый приток Дуная в Югославии. Это название иллирийского или фракийского происхождения: оно восходит к и.-е. **morgo-*; ср. англо-сакс. *merece*, др.-исл. *merki* «болото» от и.-е. **morg-*; ср. *Mroga* — название реки в Польше³.

Savus (Plin.), *Sava* — *Sasa*, правый приток Дуная в Югославии. Происхождение этого названия иллирийское: и.-е. **souo-s*; ср. греч. βαι «идет дождь» и т. д.⁴.

Dravus (Plin.) — *Drava*, правый приток Дуная в Югославии. Это название иллирийского происхождения; оно восходит к и.-е. **drouo-s*; ср. др.-инд. *dravati* «бежит, течет», *Dravanti* — название реки, галл. *Druentia* (название реки) и т. д.⁵.

² *Ἀραβών*, *Ναραβών* (Ptol.), *Arrabona* = венг. *Rába*, нем. *Raab*, слав. *Raba* — правый приток Дуная в Австрии и Венгрии. Слово восходит к и.-е. **rabh-*; ср. лат. *rabies* «бешенство», др.-инд. *rabhas-* «буйность, сила», *rabhasa-* «дикий, буйный, сильный». Данное название родственно с названием реки в Дакии *Ῥαβών* (Ptol.), ныне *Жуу* (рум. *Jiu*, *Jiu-I*); нынешнее имя представляет собой славянский перевод фракийского названия *Жуу* = болг. *жив*, русск. *живой* в смысле «быстрый, буйный».

³ *Ἐυός* (Aegian.), *Αἴυος* (Ptol.: αἰ=ε), ныне *Иль*. Это название кельтского происхождения; ср. ср.-ирл. *en* «вода» < и.-е. **peno-*⁶.

Isara, ныне *Isar* — правый приток Дуная в Баварии. Наименование реки кельтского происхождения: оно восходит к и.-е. **isro-*; ср. фрак. *Ἰστρός*⁷.

Licus (Fort.), ныне *Lech*, правый приток Дуная в Баварии. Название реки кельтского происхождения; ср. литовские названия рек *Liekė*, *Leikà*, лит. *liekna* «топь, трясина» и др.⁸

Ilara (1049), ныне *Iler*, правый приток Дуная в Баварии. Это название — кельтского происхождения; оно родственно с кельт.-герм. *Illach* (1060 *Ilahā*; *-aha* < герм. *ahwā* «вода») — правый приток реки Лех, балто-слав. *Ила*, левый приток р. Гауя (Латвийская ССР), *Илия*, приток р. Припяти и приток р. Вилви (кельт.?) герм. *Il-feld* (Ганновер); ср. слав. *иль*, русск. *ил*, греч. ἴλος, «ил, грязь, болото». Ср. названия рек с суффиксом *-ara*: *Isara* (*Isar*, *Iser*, *Isère*), *Alara* (*Aller*), **Iscara* (*Ischer*), *Embiscara* (*Embscher*), *Visara* (*Weser*) и др.¹⁰ Можно предположить, что первоначальное название этой реки (**Ila*, **Ilara* или **Iloris*?) было изменено под влиянием наименования соседней реки *Isara*; ср. *Δάναστρις* — *Днепр* (более древнее *Danastius*) под влиянием *Δάνατρις* — *Днепр*¹¹. Возможно также предположение, что более древняя форма была **ilū-rā* (**ilu-ri-s*, **il-brā*, **il-ara*)¹²; ср. греч. ἄλμ-υρός, ὄδ-αρός и т. п.

Индоевропейского (кельтского, венетского, германского, славянского) происхождения также все другие притоки Дуная в Чехословакии, Австрии и Баварии, как *Cusus* — *Váh* (*Waag*), *Ens* (*Enis*), *Erlaf* (*Arlape*),

¹ Ср.: Н. Крахе, *Sprache und Vorzeit*, стр. 64 и 103; E. Schwarz, *Deutsche Namenforschung*, II, Göttingen, 1950, стр. 89.

² Ср. J. Rozwadowski, указ. соч., стр. 134 и сл. См. и J. Pokorny, *Indogerm. etym. Wörterbuch*, стр. 315 и сл.

³ См. J. Pokorny, *Indogerm. etym. Wörterbuch*, стр. 748. Или от и.-е. **morgho-*; ср. латв. *merguot* «накрапывает»; см.: A. Walde — J. Pokorny, *Vergl. Wörterbuch der indogerm. Sprachen*, Bd. II, Berlin — Leipzig, 1927, стр. 280; Д. Де-чон, *Характеристика на тракийския език*, София, 1952, стр. 24.

⁴ Ср. A. Walde — J. Pokorny, *Vergl. Wörterbuch*., Bd. II, стр. 468.

⁵ Ср. J. Pokorny, *Indogerm. etym. Wörterbuch*., стр. 205.

⁶ Ср. там же, стр. 807.

⁷ Ср. Н. Крахе, *Sprache und Vorzeit*, стр. 131; см. выше, стр. 52.

⁸ Ср. J. Pokorny, *Indogerm. etym. Wörterbuch*, стр. 669.

⁹ Ср. E. Schwarz, указ. соч., стр. 116 и сл.

¹⁰ См. Н. Крахе, *Sprache und Vorzeit*, стр. 54 и сл.

¹¹ См. выше, стр. 51.

¹² Ю. Покорный (J. Pokorny, *Zeitschrift für celtische Philologie*, Bd. XX, 1936, стр. 521, Bd. XXI, 1937, стр. 88) предполагает **Illuris*. Ср. др.-в.-нем. *Wisura* > нем. *Wener*.

Gran, Günz, Kamp, Krems, Laaber (Lapara), Leitha (Litaha), Mindel, Paar (Baraha), Pfatter (Peters), Regen (Regan), Traisen (Treisima, Trigsamum), Vils, Wien, Wörnitz (Warinza), Ybbs, Zusam (Zusme) и пр.¹

Индоевропейского происхождения также названия обеих больших гор в низовье Дуная — Карпат и Балкан.

Καρπάτης — *Карпаты*. Название Καρπάτης засвидетельствовано со времени Птолемея (II в. н. э.). Оно фракийского происхождения; Καρπάτης происходит из и.-е. *(s)korpā-tā «скалистая»; ср. алб. *karpë* «скала»². Это слово сохранено в болгарских диалектах под формой *карпа* «скала». Как видно из отсутствия метатезы, это слово фракийского происхождения; оно перешло в болгарский язык через румынский или албанский.

Αἴμος — *Балканы*. Название Αἴμος засвидетельствовано со времен Гекатея (VI в. до н. э.). Англичное слово сохранилось под формой *Эмине*, как название мыса в самой восточной части Балкан у Черного моря. Оно произошло из и.-е. *shaimo-s. буквально «горный (хребет), верх» (или «лес, чаща») и соответствует греч. αἴμος «куст, кустарник, чаща, роща», др.-инд. *sīma, sīmal-* «плато, верх, граница», ирл. *sīt* «цепь». Отсутствие начального *s* объяснено Д. Дечевым как влияние греч. αἴμος³. Более вероятным является предположение, что греки заимствовали это название под формой **Saimas* в то время, когда начальное антевокальное *s* в греческом языке еще сохранялось, т. е. до XVI в. до н. э. Позднее начальное антевокальное *s* в этом слове перешло закономерно в греческом языке в *h*, как и во всех других греческих словах. С другой стороны, можно предполагать, что консонантное сочетание *sh* перешло во фракийском в *h* (или *x*).

Индоевропейского происхождения также и все другие названия рек (и гор) в северных и западных областях определенной выше родины индоевропейских племен, как *Аллер, Везер, Двина, Дрвенца, Ембшер, Исла, Истра, Лан, Лейне, Липпе, Майн, Нида, Нотец, Одра, Рейн, Рур, Сала, Эльба* и т. д.; балто-славянские: *Свендрия, Буг, Миния, Виллия*; балтийские: *Нара, Сож, Уна, Лучеса, Инстра*; славянские: *Варта, Висла, Скава, Сола, Вильга, Вепрь, Десна, Бобр, Бебрия*; германские: *Скрва, Пелтев, Танев, Стинанава* и т. д. Их индоевропейское происхождение давно установлено⁴.

Хорошо видна разница между названиями рек в рассматриваемой области и в Западной Европе. Тогда как первые явно индоевропейского происхождения, о вторых этого сказать нельзя. Таковы, например, названия всех больших рек Франции и Пиренейского полуострова, как *Sequana — Сена; Liger — Луара; Garumna — Гаронна; Durius — Дору (Дуэро); Tagus — Тежу (Тахо); Ἰβηρ — Iberus — Эбро* и пр. Нет убедительных индоевропейских этимологий даже для названий некоторых больших притоков Рейна. ■

4

Здесь необходимо подробнее остановиться на данных, относящихся к Балканскому полуострову, так как эта территория очень часто определяется как неиндоевропейская.

В одной работе, которая вскоре выйдет из печати, автор этих строк попытался собрать и рассмотреть все названия рек, озер, болот или источников, встречающихся в Северной Болгарии, т. е. в области между Черным морем, Дунаем и Балканами. На основе нескольких сотен таких названий можно сделать следующие выводы:

¹ Ср. E. Schwarz, указ. соч., стр. 45, 89, 106, 107, 109, 114, 117.

² Ср. A. Walde — J. Pokorny, *Vergl. Wörterbuch...*, Bd. II, стр. 580.

³ Ср. Д. Дечев, указ. соч., стр. 19.

⁴ См., например: T. Lehr-Splawinski, *O pochodzeniu i praojęzyńie słowian*, стр. 60 и сл.; е го ж е, *Польский язык*, стр. 14; J. Rozwadowski, указ. соч.; E. Schwarz, указ. соч., стр. 66 и сл.

1. Все большие реки в этой области сохранили свои дославянские и доримские (также и докельтские) названия: *Янтра*, *Осм*, *Вит*, *Искр*, *Тимок*. Из числа средних по величине рек сохранили свои прежние наименования *Almus* — *Лом*, а вероятно, и *Панега*, *Девня*, которые, однако, не засвидетельствованы в древности. Две из больших рек изменили свои доримские названия: *Огоста* (лат. *Augustae*) и *Камчия* (турецков).

2. Почти все малые и самые незначительные реки имеют или болгарские (славянские) названия, гораздо реже румынские (в западной части рассматриваемой области) или турецкие (в восточной). Это является подтверждением правила, что в общем при массовом изменении состава населения маленькие реки изменяют свои названия, а большие их сохраняют¹.

3. Все дославянские и доримские названия индоевропейского происхождения:

Аѳрос — неизвестный приток реки ²*Ἰστρος* «Дунай», берущий начало на горе *Λίμος* (Hdt. 4.49). Это название родственно с греч. *ἀν-αρος* «без-водный», др.-прусс. *Aure* (название реки) и др.².

³*Ἀξιός* (Ael.) — приток реки ²*Ἰστρος* «Дунай». Это слово, как видно из современного названия реки *Черна-вода*, восходит к фрак. **a(n)-ks(e)i-* или иран. **a-xš(a)i-* «темный, черный»; ср. авест. *xšay-* «сиять, блистать», *xšaēna-* «темный, черный» (> греч. ²*Ἀξιός*, см. выше)³.

⁴*Ἀρτάνης* — южный приток реки ²*Ἰστρος* вероятно близ р. Янтры (Hdt. 4.49). Название реки родственно греч. *ἄρδω* «орошать, поливать, поить», *ἄρδαιον* «сосуд для воды» и др.⁴. Относительно передвижения согласного *d* > *t* см. ниже.

Вит — *Utus*. Это название засвидетельствовано с I в. н. э. (впервые у Плиния). Оно восходит к и.-е. **uidos* «вода»⁵; ср. тот же корень в др.-болг., русск. *видра*, новоболг. *видра*, лит. *ūdra*, от и.-е. **ud-rā*. Ср. иран. *Обдωн* (Ptol.), нынешняя Кумарка, которая впадает в северо-западную часть Каспийского моря; ср. др.-инд. *udan-вода*; ср. также названия нескольких рек в Европейской части СССР — *Уда*, *Уды*, *Удыч*, *Удра*⁶.

Девня — источник, река и поселок. В более старых письменных памятниках засвидетельствована форма *Девина*, происшедшая из и.-е. **dheu-inā* или **dheu-einā*, буквально «источник, поток, течение»; ср. др.-инд. *dhavate* «бежит, течет», *dhauī-* «источник, поток», (до)греч. *δῶν-κρήνη* «источник» (Hes.), *Девина* (название реки) от и.-е. *dhu-einā*⁷ и т. д. В местном северо-восточном болгарском диалекте более старинное название *Девина* перешло в *Девня* с исчезновением гласной в заударном слоге⁸. Та же основа встречается, повидимому, и в именах сел *Дёвене* (Брачанское) и *Дёвеници* (Луковитское), в которых находятся большие источники.

Zyras (Plin.) — река под Бальчиком, вероятно нынешняя Батовская река. Это имя фракийское: и.-е. **sīr-ont-s* или **sīrā*; ср. фракийские географические названия *Герм-ζέρα*, *Den-sara*, родственные с др.-инд. *sīrā*, *sīrā* «течение», *sarī* (жен. род) «поток, река», фрак. *Сереп* — река в Румынии и т. д. от корня **ser*⁹.

Искр — ²*Ἰσκιος*. Название реки и города передается в следующих формах: *Σκιος* (Hdt.) с отпадением начального гласного *o-*, воспринятого как артикль *ὁ*, ²*Ἰσκιος* (Thuc.), *Oescus* (Plin.), *Ἰσκιος* (Ptol.), *Uscus*, *Hiscus* (Iord.), ²*Ἰσκιος* (Procop.), *Yscos*

¹ Подобный случай представляют, например, названия рек в области Восточных Альп: названия притоков Дуная — кельтского происхождения, их собственных притоков — славянские, а самые маленькие ручьи имеют немецкие названия (ср. E. Schwarz, указ. соч., стр. 104).

² Ср. J. Pokorný, *Indogerm. etym. Wörterbuch*, стр. 80 и сл.

³ Ср. D. Detschew, «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», Bd. VII, 1931, стр. 194 и сл.

⁴ Ср. D. Detschew, *Thrakische Sprachreste*, Wien, 1955 (в печати), стр. 29.

⁵ Ср. Ст. Младенов, «Списание на Бълг.АН», кн. X, 1915, стр. 42 и сл.; относительно передвижения согласного *d* > *t* см. ниже.

⁶ См. J. Rozwadowski, указ. соч., стр. 276 и сл.

⁷ См. M. Vasmer, *Russ. etym. Wörterbuch*, стр. 331.

⁸ *и* вместо *на* — вторичного происхождения. — В. Миков (см. «Происход и значение на имена...», София, 1943, стр. 136) объясняет это название как производное от *дева*. Подобное объяснение дается также у Розвадовского (J. Rozwadowski, указ. соч., стр. 58 и сл.).

⁹ См. Д. Дечев, указ. соч., стр. 18 и сл.

(Cod. Theod.¹). Первоначальная форма этого имени была *Usk(i)jo-s: фракийское и было передано гласной *o* у Геродота и у Фукидида (V в. до н. э.), так как аттич. *o* в то время обозначало *ü*, а аттич. *oo* — *ü*; существует много примеров подобной субституции. Это название родственно с др.-ирл. *u(i)isce* «вода», др.-кипр. *uisc*, ирл. *esc* «вода, трясина, болото» от и.-е. *ud(e)-s-hjo-, производное от и.-е. *udes-; греч. ὕδωρ (ср. род «вода», др.-инд. *utsa-h* «источник, колодезь» от и.-е. *ud(e)so-s²; алб. *ujë* «вода» восходит, по всей вероятности, также к *u(d)sk(i)jā (*sk* > *h*; ср. алб. *hije* = греч. σκιά «тень»). Более поздняя форма Οἶσχος = *Oescus* может быть объяснена несколькими способами. Можно предположить метатезу *j*, т. е. *Uskjo-s, *Ujsko-s, ср. др.-ирл. *uisc* наряду с *isce* (кельтское влияние?). Кроме того, можно допустить, что *j* вызвало изменение *u* в *ü*: *Uskjos > *Uškos (= *Yscos*, Cod. Theod.). В таком случае *oi* передает *ü*, так как со II—III вв. дифтонг *oi* перешел в греческом в *ü*. От этой формы в дальнейшем вполне правильно возникает Ἰσχος (Просор.), *Hiscus* (Iord.), потому что в греческом языке *ü* позднее переходит в *i*. Наконец можно принять, что *oi* передает *ü*, так как в позднем фракийском и перешло в *ü*, которое было субституировано позже в романском или болгарском языках посредством *i*. Современное болгарское название *Искър* содержит вторичное *p*: причиной его наличия является, во-первых, воздействие болгарских слов *искря*, *искра*, во-вторых, влияние со стороны названий рек Ἰβρος — *Ибър* (верховье Искра, находится по соседству с Ибром), Κέβρος — *Цибър*, *Iatrus* — *Янтра*, вероятно и Ἰστρος — *Истър* и т. д. Взаимодействие географических названий близко расположенных местностей, рек и гор — явление известное³.

Камчия — *Panissos*, *Pan(n)ysis* (Plin.), Πάνυσσος (Ptol.), Πάναξ. *Panissos* — древнее наименование теперешней реки *Камчия*. Оно произошло от и.-е. *pan(i)- «тина, болото, трясина»; ср. гот. *jani* «грязь, тина»⁴. Того же происхождения и название р. *Панегу* (приток Искра).

Лом — *Almus* (Iord., Просор. и др.). *Лом* — название двух притоков Дуная в Болгарии. Один в Западной Болгарии вливается в Дунай под городом Ломом, другой в восточной Болгарии вливается в Дунай под городом Русе (*Русенский Лом*). Это слово фракийского происхождения: оно восходит к и.-е. *olmo-s (и.-е. *ö* > фрак. *a*) = лат. *ulmus*, др.-норд. *almr* «вяз». По всему протяжению первой реки мы находим ныне географические названия *Брест*, *Брестовете*, *Брестак* (болг. *бръст*, *брест* «вяз»). Следовательно, название этой реки первоначально было именем какой-то местности. Ср. названия германских рек *Alma*, *Almaha*, *Elmaha*, *Elm*, *Ilm*.

Λυγυός — наименование реки, упомянутой у Арриана, которую можно считать притоком реки Ἰστρος (Дунай) в области (грибалин или) реки Янтры. Это слово фракийского происхождения: оно означает буквально «болотистый»; ср. лит. *liūgas* «трясина, болото», *liūgai* «служба», русск. *лужа*, *Lūgas* — название литовского озера, *Ludza* — название латышской реки, Λούγεον ἕλος — название иллирийского болота и др.⁵

Марица имеет свои истоки в местности Вонещата-вода близ Хайнбоаза, соединяется с Эньюпейей (под Килифаревом), которая является притоком Янтры. Название идентично с именем реки в Южной Болгарии и Турции *Марица* (известной с XII в.); ср. Μάρισος (Strab.) — *Марош* в Венгрии, *Marus* — *Морава* в Чехословакии. Это название фракийского происхождения; ср. англо-сакс. *merisc* «болото, трясина», нем. *Marsch* «топь, болотистое место» и т. д.⁶

Νόης (Hdt.), *Noas*, *Novas* (Val. Flacc.) — южный приток Истра во Фракии, вероятно близ *Novae*, города на Дунае между Янтрой и Осмом. Это название родственно с географическим названием *Ναϊσσοσ*, *Navissus*, современным *Нишем*, дор. νόα·ή πηγύ· Λάκωνες (Hes.), νόα, эол. νάω «теку», др.-инд. *snāuti* «капает» и т. д.⁷; ср. название литовской реки *Nova*.

Осм — *Asamus*. Это название засвидетельствовано в следующих формах: *Asamus* (Plin.), Ἀσημοῦς (Priscus), Ἀσημα (жен. род, ед. число или ср. род, мн. число, Theoph. Simoc.). Более старинная форма — *Asamus*; в Ἀσημα следует видеть влияние народной этимологии (связь с греческим прилагательным ἀσημος). Современное болгарское название *Осм* указывает на то, что надо исходить из формы *Asamus*, при-

¹ Относительно форм см. Д. Дечев, «Известия на Ин-та за български език», кн. III, 1954, стр. 267 и сл.

² Ср. Ст. Младенов, указ. соч., стр. 50.

³ См. V. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 176. Ср. Δανάστρις — *Днестр* (более древнее *Danastrius*), возникшее под влиянием Δανάστρις — *Днепр*.

⁴ См. Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, стр. 28.

⁵ См.: J. Pokorny, Indogerm. etym. Wörterbuch, стр. 686; H. Krahe, Sprache und Vorzeit, стр. 109.

⁶ Ср.: В. Миков, указ. соч., стр. 181; H. Krahe, Die illyrische Namengebung, стр. 280. См. выше, стр. 53.

⁷ Ср. Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, стр. 26.

чем ударенное *a* переходит в *o*, а неударенное *a* редуцируется в *э* — фонетическое явление, характерное для северо-восточных болгарских диалектов. Этимология этого слова ясна: оно восходит к и.-е. **ak'ato-* «камень» или **ak'amjo-* «каменный»; ср. др.-болг. *камъ* «камень», лит. *aštin* «острие», др.-инд. *ašman-* «камень» и т. д.¹ Для уяснения этимологии можно сравнить это название, например, с названием р. *Каменица*, находящейся под селом Угърчин, по соседству с р. Осм. Такие наименования присущи рекам с каменистым руслом или несущим камни. Именно таковым является верхнее течение р. Осм, например под городом Ловечем: близ села Александрова под Ловечем река несет камни, а дальше — песок. Кроме того, правый крутой склон реки во многих местах скалистый. Ср. иллирийское географическое название *Asatum* из Далматии, истолкованное как «каменистое место» на основании его средневекового имени *Lapida* (с хорв. *Lapad*) от лат. *lapis* «камень»².

Тимок — *Timachus*. Это название засвидетельствовано в следующих формах: *Timachus* (Plin.) — название реки, *Timachi* — название племени, живущего по течению реки (Plin.), и *Тѣмѣхов* (Ptol.) — наименование селения. Оно восходит к и.-е. **tmako-*s, буквально «темный», или **tm-ak'wā* «темная (черная) вода»; ср. др.-болг. *тъма* от и.-е. **tmā*, *tmān*, *tmān*, *tmān* и т. д.³ Это название родственно с наименованием племени в Беотии *Τέμνικες* от и.-е. **tems-ik-es*, произведенного от основы и.-е. **tem(e)s-*; ср. др.-инд. *tamas-* ср. род «темнота, мрак», *tamasa-ḥ* «темного цвета», лит. *tamsūs* «темный, черный» и пр.

Янтра — *Ἰάντρος* — *Iatrus*. Это слово засвидетельствовано в следующих формах: *Ἰάντρος* (Hdt.), *Ieterus* (Plin.), *Iatrus* (Iord.). Различные формы указывают на то, что первоначально это название имело форму **étro(-u-?)*. Во фракийском, как и в древнеболгарском, и.-е. *ě* перешло в широкое открытое *ѣ* (=др.-болг. *ѣ*), передаваемое по-гречески и по-латински, за неимением соответственного звука, путем *a*, *ja*, *je* или *e*, подобно тому, как передается в греческом болгарский звук *ѣ* от и.-е. *ě*; ср. *Ἰάβρος* и *Κέβρος* = *Kēbros*. Это название восходит к и.-е. **étro-s* или **étru-s* «быстрый, буйный»; ср. др.-в.-нем. *atar* «acer, sagax, celer» от и.-е. **étro-s*. Современное болгарское название *Янтра* имеет вторичное *n* по народной этимологии, вероятно под влиянием слова *янтар*. Древнейшая форма *Ἰάντρος* показывает наличие *ḡ* от и.-е. *t*, т. е. передвижение согласной, подобно тому, как имя *Utus* < и.-е. **údos*. В своем верховье Янтра называется *Емѣр*: здесь сохранилось старое название реки без вторичного *n*.

Итак, все дославянские и доримские названия рек в области между Черным морем, Дунаем и Балканами — индоевропейского происхождения, как и сами названия (*Πόντος*) *Ἰάντρος*, *Ἰάντρος* «Дунай» и *Αἰμός*. Нет никаких оснований для утверждения, что древнее население в рассматриваемой области было неиндоевропейского происхождения. Этот факт является показателем того, что уже в самой глубокой древности в этой области обитали индоевропейские племена. Если отдельные неиндоевропейские племена и вторгались в нее, они быстро ассимилировались индоевропейским населением.

5

Следовательно, северная часть Балканского полуострова была населена уже в глубокой древности индоевропейскими племенами. Это заключение резко противоречит концепциям тех ученых, которые ищут «прародину» индоевропейцев в Северной Германии. Однако факты отнюдь не говорят в пользу последнего взгляда. Чтобы показать, насколько слаба аргументация, приводимая в доказательство того, что южная часть Балканского полуострова якобы не могла быть населенной в более отдаленные времена индоевропейцами, мы сошлемся на доводы автора одной из последних работ по этому вопросу. В своем исследовании «Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache», опубликованном в 1954 г., П. Тиме (Paul Thieme) подчеркивает, что южная часть Балканского полуострова не могла быть заселена в более отдаленные време-

¹ Ср.: Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, стр. 11; е го же, Известия на Ин-та за български език», кн. III, стр. 277.

² Ср. А. Мауер, «Glotta», Bd. XXXII, 1952, стр. 57 и сл.

³ См. Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, стр. 39.

⁴ См. Д. Дечев, «Известия на Ин-та за български език», кн. III, стр. 278 и сл.

на индоевропейцами, так как характерные для Греции растения и продукты — кипарис, маслинное дерево, маслина, виноградная лоза, вино, — а также из животных осел якобы называются именами неиндоевропейского происхождения («... ihre Stammbildung... bleibt unanalysierbar. Es müssen fremde Lehnwörter sein», стр. 544). Это мнение довольно распространено, однако совершенно несостоятельно: оно основывается на давно преодоленных концепциях в греческом языкознании конца XIX в., выраженных в книге П. Кречмера «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache». В сущности слова, которые П. Тиме считает неиндоевропейскими, имеют несомненно индоевропейское происхождение. Мы здесь их рассмотрим поочередно.

Слова возникают на основе абстрагирования самых характерных, отличительных признаков предметов и явлений. В греческом языке есть несколько слов для обозначения различных видов виноградной лозы. Все они образованы от корней, которые обозначают «витьсЯ, вращаться вокруг чего-нибудь», так как характерным признаком виноградной лозы является то, что она вьется вокруг других растений или деревьев. Так, например, εἰλωτός «вьющаяся виноградная лоза» и ἑλωστῆ ἄμπελος μέλιτις (Гесихий) производные от корня *uel-, ср. εἰλωμαι «извиваться, вращаться», εἰλωω «volvo, obvolvo», ἑλωσθεῖς; Γιόν и Γιύν «виноградная лоза» происходят от корня *uei- «витьсЯ», к которому восходит и русский глагол *витьсЯ*; ἀναβενθράς «лоза, которая вьется вокруг деревьев»¹.

Γεῖνος «вино». В сущности индоевропейское происхождение этого слова давно установлено², однако, под влиянием господствовавшей некогда теории о неиндоевропейском происхождении догреческого населения, А. Мейе, не приводя достоверных доказательств, объявил его неиндоевропейским³, и это авторитетное мнение было некритически воспринято почти всеми. Из греческого слова οἶνη «виноградная лоза (вино)» видно, что первоначальное значение было «виноградная лоза» и что различие в роде между οἶνη и οἶνος имеет целью разграничить растение от его продукта⁴. Греч. (F) οἶνη «виноградная лоза» восходит к и.-е. *uoi-nā и является производным от того же корня, что и латинское слово vitis «виноградная лоза, виноград, вино» от и.-е. *uot-ti-s или *uei-ti-s. Первоначальное значение этих слов — «вьющееся (ползущее) растение, растение, которое вьется вокруг чего-нибудь». Они являются производными от корня *uei- «вить, витьсЯ». Эти слова родственны с οἶν-ἄμπελος «виноградная лоза» = Γιύν от *uia (или *ui-ēn, *ui-ān), οἶν-ἰναδενδρίδα (вин. падеж ед. числа «виноградная лоза, которая вьется вокруг деревьев») = Γιόν от и.-е. *uio- и εὐιάδες ἄμπελοι от *uiaς, -ādos; ср. οἶνός, -άδος «виноградная лоза, вино». Упомянутые glossы Гесихия нашли точное соответствие в хеттском слове uijan- или uijana- «вино» < и.-е. *uijān-, *uiajn- или *uijā-no-, *uijo-no(-nā), ср. также иер. хет. u(i)ana- «вино»⁵.

Хеттское слово uijan(a)- «вино» имеет точное соответствие в др.-инд. vyāna-t «обвивание (das Winden, Umbüllen)», греческое οἶν = Γιόν — в латышском vijas «усики, прицепы (Ranken) виноградной лозы», латинское vitis «виноградная лоза» — в авестийском vaēiti «ива, верба, ивовая ветвь» [В. И. Абаев, указ. соч., стр. 186; иран. vaiti- «лоза, ива». Ср. также др.-инд. veta-h «вьющееся водяное растение (rankendes Wassergewächs), камыш, тростник, прут], а греческое οἶνη «виноградная лоза (вино)» и Γεῖνος «вино» имеют соответствия в др.-инд. vepu-h «камыш, тростник, бамбуковая ветка» < и.-е. *uoinu-s; ср. также слав. вѣтвиць, лит. vainikas «венок» < и.-е. *uoin-i-ko-s, русск. венок, буквально «витое», < и.-е. *uoin-u-ko-s. Основное значение всех этих слов ясно: они происходят от индоевропейского корня *uei- «вить, витьсЯ». Их образование также ясно с точки зрения словообразования индоевропейских языков. Они имеют многочисленные соответствия во всех индоевропейских языках. Следовательно, заимствование этих слов из какого-нибудь неиндоевропей-

¹ Ср. E. Boisacq, Dictionnaire étymologique, Heidelberg — Paris, 1923, стр. 224 и 223.

² Ср., например, A. Walde — J. Pokorny, Vergl. Wörterbuch..., Bd. I, Berlin — Leipzig, 1930, стр. 226.

³ Ср., например, A. Meillet, Aperçu d'une histoire de la langue grecque, 6-е éd., Paris, 1948, стр. 63 и сл.

⁴ Ср. ἑλαιά, ἑλαιον, ἑλαιος; лат. olīva: oleum, pirus: pirum, mālus: mālum.

⁵ Ср. J. Friedrich, Heth. Wörterbuch, Heidelberg, 1952, стр. 255 и 336.

ского языка исключено. Фонетические особенности арм. *gini* (< и.-е. **uoiniō-*), алб. *vegë*, тоск. *vegë* (< и.-е. **uoinā*) позволяют с большой вероятностью рассматривать их как унаследованные из индоевропейского языка-основы, а не как заимствования. Латинское *vinum* может быть заимствовано из греческого или унаследовано из индоевропейского языка-основы¹. Глоссу Гесихия ἴβηνα-τον οἶνον Κρήτες можно объяснить несколькими способами: 1) ἴβηνα (вин. падеж) от *εἰβην; ср. εἶβω «лить, наливать» (οἶνον, μέθυ), ἴβηνη, ἴβανος «сосуд для воды»; 2) ἴβηνα вместо *βῆνα- *βῆνα (вин. падеж) = οἶνον = βῆν + εἶβω; ср. Гесихия: контаминация βῆν + εἶβω; 3) позднегреч. *ἴβηνα < догреч. (ἴ) *βαῖνα = греч. ἰοῖνη < и.-е. **uoinā*.

Так как в грузинском языке имеется довольно много заимствований из греческого, армянского и из других индоевропейских языков, то грузинское слово *win* является несомненным заимствованием из армянского или какого-нибудь индоевропейского языка (ср. арм. *gini* «вино» от и.-е. **uoiniō-*), а не наоборот². С другой стороны, семитическое слово **uaini* (араб. эфиоп. *uain*, др.-евр. *uayin*, ассир. *inu*) заимствовано из догреческого индоевропейского языка, вероятно, из языка пеласгов-филлистимлян, как это явствует из перехода *oi* > *ai* (пел. **uaini-* или **uaina-*)³. Известно, что одним из важных экспортных товаров крито-микенских торговцев было вино.

ἄμπελος (жен. род) «виноградная лоза» восходит к **am[phi]-pelos* и означает буквально «растение, которое вьется вокруг чего-нибудь»; ср. гом. ἀμφι-πέλομαι «вращаться около чего»; ср. гаплоглоию в гом. ἀμφιφορέως > аттич. ἀμφορέως, лак. ἀμπαῖς от **amphi-pais* и т. д.⁴. Относительно типа образования ср. ἀνα-δένδρας «виноградная лоза, вьющаяся по соседнему дереву».

Следовательно, в греческом языке мы находим несколько слов для обозначения виноградной лозы, выражающих различные ее виды или же представляющих диалектные различия: ἄμπελος, ἀναδένδρας, εἰλεός, ἔλυστα, οἶνη, οἶνον, οἶνον (= F-), **βῆνα*. Образование всех этих слов, как и происхождение их значений, совершенно ясно с точки зрения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

ἔλαιον «масло, жир». На происхождение древнегреческих слов ἔλαιον «масло, жир» и ἔλαιον «маслища», аттич. ἔλαιον и ἔλαια указывают славянское слово *масл-ина*, которое является производным от существительного *масло*, и арабское *zaitūna* «маслина» (> исп. *aceituna*), производное от араб. *zait* «масло» (> исп. *aceite*); ср. также др.-англ. *eleberge*, др.-н.-нем. *oliberi* (буквально: «oilberry»). Самое характерное для плода маслины то, что он содержит масло (жир). Следовательно, ἔλαιον «масло, жир» с протетической гласной *e* перед *l* — явление, характерное для греческого языка, — родственно со славянским словом *лѡи* и литовским *lājus* «жир», которые восходят к и.-е. **loi-u-s*, основе на *-u*⁵. Наличие *ai* вместо *oi* указывает на то, что ἔλαιον заимствовано из догреческого индоевропейского («пеласгского») языка, где *ō* и *ōi* переходят в *ā* и *āi*. Пеласг.-греч. ἔλαιον от и.-е. **loi-u-s* находится в таком отношении к слав. *лѡи*, лит. *lājus* < и.-е. **loi-u-s*, как греч. πέλεκυον (ж < κF) к πέλεκυς, λάκκος (ж < κF) к лат. *lacus*, греч. ἰός < **isyo-s* к др.-инд. *iṣu-* и т. п. (*-u-o* : *-u*).

κυπάρισσος (жен. род) «кипарис» также индоевропейского происхождения. Дерево названо так из-за своего аромата: εὐώδης «благоуханный» — это эпитет кипариса в Одиссее (V 64). Название это родственно с именем душистого растения дор. κύπαιρος, гом. κύπερος, ион. κύπερος, аттич. κύπαιρον «душистое растение, iuncus odoratus». Эти названия восходят к и.-е. **kur-wo-* или **kur-ero-*, **kur-er-jo-*, **kur-er-jo-* и родственны с лит. *kvāpas* (муж. род) «запах, благоухание» < и.-е. **kwep-*, др.-болг. *копръ* «укроп» (душистое растение) < и.-е. **k(w)ep-ro-s* или **kur-ro-s*, лит. *kuerpiū* «благоухать», греч. κάπος. φύγγ. πνεμα (Гесихий) и т. д. Наличие форм κυπάρισσ-ινος (надпись из Эгины V в. до н. э.), Κυπαρισσία (эпитет Артемиды, надпись из Агротеры), Κυπαρισσι-ίτας (эпитет Пана, надпись из Лато на о. Крит) указывает на то, что *κypάpισσoс* — гречизированная форма догреческого индоевропейского («пеласгского») слова *κypάpισσoс*, в котором и.-е. *p* закономерно перешло в *ph* (передвижение согласного). Пеласг.-греч. *κypάpισσoс* восходит, по всей вероятности, к **κypαp-ι-βεντja*, **κypαp-ισjоs* или **κypαp-итjоs*.

ὄνος (муж. и жен. род) «осел, ослица». На происхождение слова *ὄνος* указывают новогреческие слова *γoμάρι* «осел» и *φοτίχι* «осел», которые являются производными от слов, означающих «груз»: новогреч. *γζμος* и *φορίον*; ср. также итал. *somato*

¹ Умбрское, вольскское и фалискское *uini*, вероятно, заимствовано из латинского (или этрусского).

² Ср. G. Deeters, «Indogerm. Forschungen», Bd. LVI, 1938, стр. 139 и сл.

³ Или из пер. «хет.» *ua(i)ana* = «вино» = *uaina* < и.-е. **uoino-*.

⁴ Ср. E. Schwyzler, Griechische Grammatik, Lief. 1, München, 1934, стр. 262 и сл.

⁵ Индоевропейское происхождение балтославянских слов несомненно; ср.: J. Pokorny, Indogerm. etym. Wörterbuch, стр. 664; E. Berneker, Slav. etym. Wörterbuch, Heidelberg, 1924, стр. 729.

«осел», франц. *sommier* < лат. *sagmārius*, производное от греч. *σάγμα* «груз». Осел — вьючное животное. Следовательно, древнегреческое слово *ὄνος* по своему происхождению тождественно с лат. *onus* «груз, бремя» и др.-инд. *ḅnas* «грузовая повозка». Различие состоит лишь в том, что *ὄνος* мужского и женского рода, а лат. *onus* и др.-инд. *ḅnas* среднего рода. Это различие легко объяснимо: изменение рода произошло в истории греческого языка под влиянием имен других животных, как *ὄ* и *ἡ* ἵππος «жеребец» и «кобыла», *ὄ* и *ἡ* βοῦς «бык» и «корова», *ὄ* и *ἡ* σῦς «боров» и «свинья», *ὄ* и *ἡ* χοῖρος «поросенок», *ὄ* и *ἡ* εἰλαφος «олень (самец и самка)» и др. Эта этимология уже давно известна; недавно ее снова подробно изложил и защитил А. Грегуар¹. Она очевидна: нет никакого основания сомневаться в ней. Только очень долго господствовавшая теория о неиндоевропейском характере догреческого языка мешала языковедам до сих пор воспринять ее. Греческое *ὄνος* не является родственным с лат. *asinus*, но и последнее также индоевропейского происхождения. Известно, что ослы — это «группа видов непарнокопытных животных из рода лошадей (Equus). Близки к собственно лошадям...» (БСЭ², т. 31, стр. 289). Именно поэтому название осла или лошака часто связано со словом, означающим «лошадь»; ср. русск. *лошак*, производное от *лошадь*, лат. *burricus* «маленькая лошадь», исп. *burro*, итал. *brico* «осел, лошак, старая лошадь», франц. *sommier*, др.-англ. *sēamer*, др.-в.-нем. *saumar* «вьючная лошадь, лошак», итал. *somaro* «осел», др.-инд. *aśva-tara* «лошак», производное от *aśva-* «лошадь» (суффикс *-tara-* означает «something different», «not quite», «kind of», «sort of horse»; ср. лат. *māter-tera* «тетка по матери», («a kind of mother»)³. Х. Педерсен уже давно указал на то, что арм. *ēš*, род. падеж *išoy* «осел», коллективное *išank* восходит к и.-е. **ek'wo-s* «лошадь»⁴. Следовательно, лат. *asinus* восходит к **asu-(i)na-s* < и.-е. **ek'u-ino-s*, производному от **ek'no-s* «лошадь». Оно заимствовано из иранского через этрусский или греческий. Ср. тип образования др.-инд. *Aśv-in-au*. Догреческого индоевропейского («пеласгского») происхождения также греческое слово ἵννος «лошак (от жеребца и ослицы)» от **esū-(i)na-s*, которое было заимствовано и в латинском языке как *hinnus*.

Этимология рассматриваемых слов вполне ясна. Но даже если были бы какие-нибудь сомнения относительно этих этимологий, все-таки никто не в праве утверждать априорно, как это делает П. Тиме, что упомянутые слова неиндоевропейского происхождения, так как никто до сих пор не доказал их происхождения из какого-нибудь неиндоевропейского языка. Вообще сокровенное желание некоторых ученых искать прародину индоевропейцев в Северной Германии весьма часто являлось серьезной помехой для правильного объяснения ряда вопросов в области индоевропейского языкознания.

Виноградная лоза и осел встречаются по всему Балканскому полуострову⁴. Виноградная лоза растет по всей равнине Дуная, маслина — в южной части Балканского полуострова, на юг от линии Странджа — Родопы — Албания, включая Адриатическое побережье; кипарис растет южнее Балкан. Тот факт, что греки имеют свои собственные старинные слова для обозначения виноградной лозы и осла, а слово, обозначающее маслину (а вероятно, и кипарис), заимствовано из догреческого индоевропейского языка (пеласгского), указывает на то, что греки обитали в северо-западной части Балканского полуострова и в некоторых смежных областях. Можно допустить, что они восприняли название горы Αἴμος в ее более старинной форме фрак. **S(h)aimas*. Это соображение ведет к заключению, что прародина греков в северо-западной части Балканского полуострова простиралась до Балкан. Отсюда греки начали проникать в Эгейскую область, по всей вероятности, к концу III тысячелетия.

¹ H. Grégoire, «Byzantion», t. XIII (1938), fasc. 1, стр. 288 и сл.

² Ср. С. D. Buck, A Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages, Chicago, [1949], стр. 173.

³ См. Н. Pedersen, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung»: Bd. XXXVIII, 1902, стр. 197 и 205; Bd. XXXIX, 1906, стр. 404.

⁴ Ослы ранее обитали во всей Юго-Восточной Европе, но позже были частично истреблены человеком. На основании археологических данных установлено, что дикий осел жил в пределах нынешней Болгарии еще во время палеолита (см. «История на България», т. I, София, 1954, стр. 11).

Итак, не существует никаких серьезных оснований для утверждения, что Балканский полуостров в древности был заселен неиндоевропейцами. Некоторые географические названия Балканского полуострова часто бездоказательно провозглашались доиндоевропейскими¹. В сущности, однако, нет никаких серьезных данных, которые позволяют считать, что эта область некогда была населена племенами, говорящими на языках, родственных кавказским или древним пиренейским. Никто до сих пор не смог привести убедительных доказательств в пользу родства древней топонимии Балканского полуострова с топонимикой Кавказа или Пиренейского полуострова. Отдельные случаи омонимии, как, например, часто выдвигаемое сравнение 'Εῤρος — река во Фракии (название засвидетельствовано с V в. до н. э. у Геродота, Еврипида и пр.), и Эбро, др.-греч. Ἰζήρ — река на Пиренейском полуострове, ничего не доказывают. Тот, кто сопоставляет 'Εῤρος с Ἰζήρ, игнорирует следующие факты. Древнее название фракийской реки сохранено в современном болгарском языке как *Ибър* (< др.-болг. **Ибрь*) — название самого верхнего течения той же реки, точнее — одного из трех потоков, которые, соединяясь, образуют р. 'Εῤρος (нынешняя Марица). Название *Ибър* идентично с наименованием р. *Ибар* (< др.-серб. **Ибрь*) — притока Западной Моравы в Югославии, как и с наименованием р. *Ибр* (< др.-русс. **Ибрь*) — левого притока р. Тетерева, правого притока Днепра, на запад от Киева. Независимо от того, что эти названия имеют индоевропейскую этимологию², наличие того же слова в Северной Украине исключает возможность родства слов 'Εῤρος и Ἰζήρ, так как в упомянутой области не засвидетельствован ни пиренейский, ни кавказский субстрат. Украинская река *Ибр* течет в области распространения древней трипольской культуры, которую, по мнению многих ученых, можно считать фракийской³. Другие две реки 'Εῤρος — *Ибър* и *Ибар* текут в древних фракийских областях. Следовательно, названия упомянутых трех рек, повидимому, фракийского происхождения.

В своей недавно опубликованной книге «Sprache und Vorzeit» выдающийся немецкий языковед Х. Крае пишет: «...надо сказать, что Георгиеву удалось объяснить ч а с т ь эгейского языкового запаса (Sprachguts) как индоевр.-пеласгский, однако происхождение другой бльшей части и теперь еще остается неясным и продолжает существовать подозрение о ее неиндоевропейском происхождении»⁴. Это высказывание — значительный шаг вперед для недавнего сторонника той точки зрения, что все догреческое — несомненно неиндоевропейское. Впрочем в другом месте своей книги Крае отмечает, что гидронимика Балканского полуострова отличается от того, что он называет «древнеевропейской гидронимикой»⁵; это приводится как доказательство неиндоевропейского происхождения названий рек на Балканском полуострове. Ошибка автора заключается в том, что он реконструировал свою «древнеевропейскую» гидронимику на основании средневропейских названий рек и вод, и то главным образом на основании германского и кельтского языков, а также и предполагаемого иллирийского языка. Однако различия в лексике индоевропейских языков восходят к гораздо более отдаленной эпохе. Балканская гидронимика ближе к восточноевропейской, которую в значительной

¹ См. В. Георгиев, ВЯ, 1954, № 4, стр. 71 и сл.

² Ср. J. Rozwadowski, указ. соч., стр. 85 и сл.

³ Ср., например, А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 228 и сл., 240 и сл., 254.

⁴ Н. К г а н е, Sprache und Vorzeit, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 59.

степени игнорирует Крае. На самом деле древняя гидронимика Балканского полуострова индоевропейская: она состоит из пяти основных языковых пластов, часто переплетающихся один с другим: пеласгский, фракийский, греческий, македонский и иллирийский¹.

До последнего времени почти все считали, что надписи на крито-микенских плитках (хотя текст их и был непонятен) сделаны на каком-то неиндоевропейском языке². Расшифровка надписей линейного письма В показала, что такие априорные утверждения ошибочны. Никто не вправе теперь утверждать, что еще не расшифрованный текст диска из Феста якобы был написан на неиндоевропейском языке³. Неправилен также широко распространенный взгляд, будто крито-микенское силлабическое письмо якобы не могло возникнуть на основе греческого или вообще какого-либо индоевропейского языка⁴.

Известно, что при смешении двух довольно различных языков происходят большие изменения в облике языка-победителя. Влияние субстрата тем значительнее, чем выше культура народа, языком которого он является, по сравнению с культурой народа-победителя. Хорошим примером таких изменений служит для нас хеттский язык, содержащий значительный неиндоевропейский субстрат. Коренным образом от него отличается в этом отношении греческий язык, хорошо сохранивший свой индоевропейский характер несмотря на то, что греки нашли в Эгейской области население с довольно высокой культурой, безусловно превышающей культуру вторгшихся племен. Это является подтверждением того, что догреческое население говорило на каком-то индоевропейском языке, весьма сходном с греческим.

Заключение

Несомненно, что в нашей работе есть ряд гипотетических положений. Вообще при трактовке проблем такого характера гипотезы неизбежны. Вопрос состоит лишь в том, которую из них следует считать наиболее правдоподобной при нынешнем состоянии науки о языке.

На основании наших лингвистических исследований крупный советский ученый П. Н. Третьяков, принимая во внимание археологические и этнографические данные, приходит к выводу что прародину индоевропейцев следует искать в «балкано-дунайской» области⁵. Он подчеркивает, что племена, которым принадлежит высокая в свое время скотоводческо-земледельческая культура IV и III тысячелетий до н. э. в балкано-дунайской области, были индоевропейскими. Эту установку подтверждают все достоверные данные языкознания, археологии и этнографии.

На основании археологических данных советский археолог А. Я. Брюсов с полным правом заключает, что к III тысячелетию до н. э. на европейской территории СССР сложились уже те этнические единства, с которыми имеет дело позднейшая история, т. е. финские языки на севере (урало-камская и окско-верхневолжская культуры), славянские по Днепру, Висле и западнее (белорусская и южнобалтийская культуры), фракийские

¹ См. об. этом: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 163 и сл.; Д. Дечеv, Характеристика на тракийския език.

² См., например, O. Hoffmann — A. Debrunner, *Geschichte der griechischen Sprache*, 3-e Aufl., Berlin, 1953, стр. 5, где указано, что крито-микенские надписи линейного письма «принадлежат несомненно (sicher) догреческому населению».

³ Априорная концепция о неиндоевропейском характере этого текста довольно широко распространена; ср., например, Н. Кгахе, *Sprache und Vorzeit*, стр. 151, 159 и сл.

⁴ См.: В. Георгиев, ВЯ, 1952, № 6; его же, *Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей*, София, 1954, стр. 51 и сл.

⁵ См. П. Н. Третьяков, ВИ, 1953, № 11, стр. 74 и сл.

на юго-западе (трипольская культура, входящая в число культур расписной керамики, распространенных в Придунавье и значительной части Балканского полуострова) и скифские в черноземной степной полосе к востоку от Днепра («степные» культуры: катакомбная, полтавкинская и северокавказская)¹. Лингвистические данные подкрепляют это заключение.

История славянских или романских языков показывает, что для того чтобы могли быть установлены нынешние различия языков сравнительно столь близких, какими являются их нынешние представители, было необходимо развитие приблизительно в 15—20 веков. В середине II тысячелетия до н. э. хеттский, греческий и иранский представляли вполне обособленные индоевропейские языки, не более близкие между собой, чем нынешние славянские или романские языки. Принимая во внимание то, что в первобытно-общинном строе изменения всякого рода совершались гораздо медленнее, чем в дальнейшем, можно заключить, что обособление индоевропейских языков (индо-иранского, хеттского, греческого и т. д.), иными словами «распадение» индоевропейского языка — основы началось за несколько тысячелетий до конца неолита.

Во время раннего неолита индоевропейские племена обитали в Центральной и Восточной Европе от Рейна и Альп до Дона (и нижнего течения Волги). На севере границей служили Северное море, Балтийское море и Западная Двина. На юге в пределы этой области входил бассейн Дуная и Балканский полуостров.

Во второй половине неолита (к IV—III тысячелетию до н. э.) индоевропейские языки распределялись в вышеуказанных границах приблизительно следующим образом (см. карту на стр. 64).

В первой половине неолита уже были оформлены три главные группы языков:

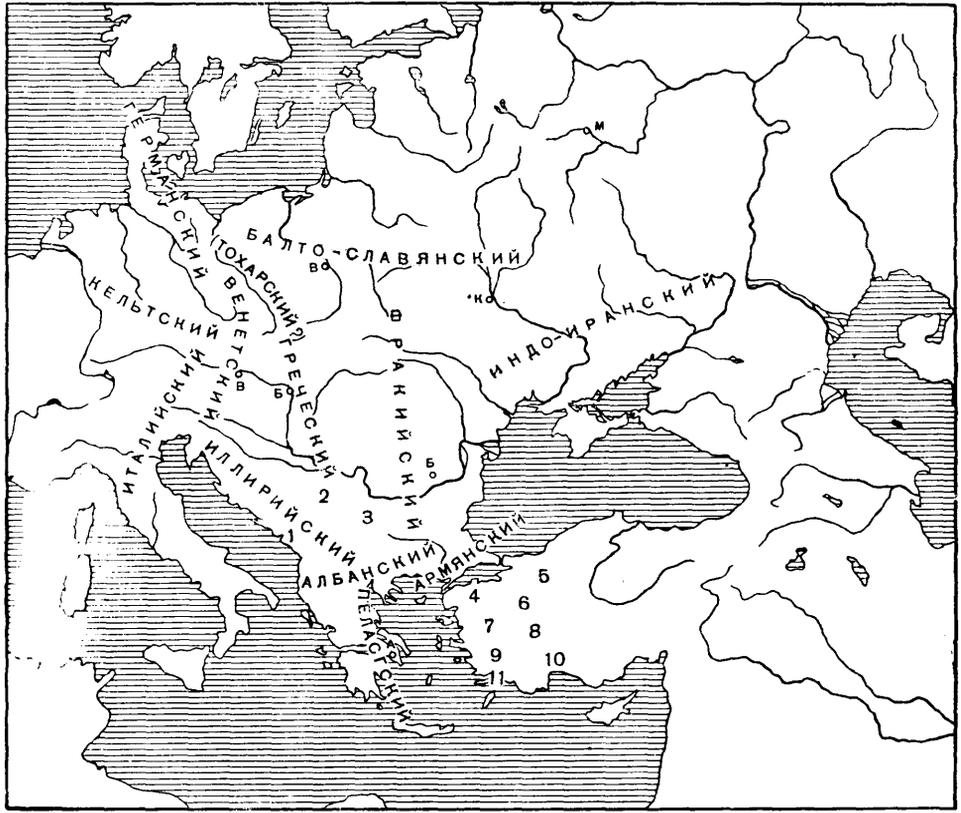
А. Северно-индоевропейская, или балто-славяно-германская группа. Характерная изоморфема этой группы — падежное окончание, содержащее звук *m*.

Уже в прошлом некоторые языковеды (Цейсс, Гримм, Шлейхер и др.) обратили внимание на особую близость между балто-славянскими и германскими языками. Автор этих строк попытался объяснить ее в общих чертах в 1932 г. Позднее ее более подробно исследовали Е. Георгиев и Т. Лер-Сплавинский². В то время как в балто-славянских и германских языках существует ряд характерных общих морфологических, словообразовательных и лексических явлений³ (например, падежное окончание слав. *-mъ* = лит. *-ms* = герм. *-m*), между славянскими и иранскими языками значительно меньше общих элементов. Важнейшими здесь оказываются сходные явления в изменениях так называемых палатальных и лабиовелярных звуков, что, однако, можно рассматривать как изофонемное развитие в родственных и соседних индоевропейских диалектах. Вообще самые обыкновенные фонетические изменения, которые встречаются часто в разнообразнейших языках, не могут служить достоверным доказательством родства языков, потому что они могут происходить в отдельных языках вполне независимо. Одно из таких самых обыкновенных фонетических изменений представляет ассимиляция велярных (так называемых

¹ Ср. А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 254.

² См.: В. Георгиев, Индоевропейские гутуралы, София, 1932, стр. 69 и сл.; Е. Георгиев, Балтославяно-германское языковое родство, «Известия на семинара по славянска филология», кн. VIII и IX за 1941—1943 год, София, 1948; T. Lehr-Spławinski, O pochodzeniu i praojęzyku słowian, стр. 32 и сл., 42 и сл.; его же, ВЯ, 1955, № 1, стр. 160.

³ См. об этом Е. Георгиев, указ. соч., стр. 19 и сл.

Индоевропейские языки к IV—III тысячелетию до н. э.

1 — мессапский, 2 — македонский, 3 — фригийский, 4 — этрусский, 5 — палайский, 6 — хеттский, 7 — лидийский, 8 — лувийский, 9 — карийский, 10 — иероглифический «хеттский», 11 — линийский.

палатальных) и делабиализация или лабиализация лабиовеларных; ср. лат. k^w > франц. k , лат. k > франц. s , так же как и в славянских языках.

На основании исследований родственных отношений между индоевропейскими языками В. Порциг заключает: «Общие новообразования германского, балтийского и славянского свидетельствуют о продолжительном их соседстве начиная с праиндоевропейского времени... вплоть до ранней эпохи железа...» и далее: «Древнее соседство между германской, балтийской и славянской языковыми областями и языковое взаимодействие между ними установлено, несмотря на столь часто высказываемое сомнение Гирта. Германский имеет более близкое отношение к балтийскому и славянскому, чем к какому-либо другому языку вне западной группы. Только к латинскому он стоит, повидимому, ближе. Он отличается, следовательно, от других языков, принадлежащих к западной группе, которые все имеют лишь ничтожные связи с восточными языками»¹. Утверждение его о более тесном родстве германского с латинским, чем с балто-славянским, неубедительно. Автор правильно заметил факты близкого родства балто-славянских и германских языков. Однако теория деления индоевропейских языков на группы *centum* и *satem* помешала ему правильно определить родственные отношения северно-индоевропейских языков.

¹ W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 143 и 147.

Разумеется, мы не отрицаем, что славянские языки имеют много общих элементов с иранскими. Однако общие явления в балто-славянских и германских языках количественно и по своей значительности превышают данные о связи славянских языков с иранскими. Господствовавшая долгое время ошибочная концепция о делении индоевропейских языков на две группы, так называемые языки *centum* и *satem*, мешала правильному пониманию родственных отношений индоевропейских языков¹. С другой стороны, германский имеет некоторые общие черты с кельтским, итальянским и венетским.

Где-то по соседству с балто-славяно-германской группой жили предшественники «тохарцев» — вывод, который основывается на некоторых общих лексических явлениях, главным образом на соответствии кучайского слова *lakši* «рыба», русск. *лосось*, лит. *lāšis* и нем. *Lachs*². Это словарное соответствие особенно важно, так как лосось встречается в реках, впадающих в северные моря (а не в Черное или Средиземное). Следовательно, предки «тохарцев» (кучаев) должны были обитать в области, в которой встречается эта рыба. Переселившись позднее далеко на восток, они сохранили слово, но с измененным значением³.

Б. Цент р а л ь н о - и н д о е в р о п е й с к а я г р у п п а состоит из двух подгрупп: западной и центральной (в узком смысле слова).

1. К западной подгруппе принадлежат кельтский, итальянский (латино-фалиский и оскско-умбрский), венетский.

Концепция о более тесном итало-кельтском родстве довольно распространена⁴. По всей вероятности, кельтский язык был уже обособлен в III тысячелетии до н. э. «Культура курганов» II тысячелетия, распространенная в Центральной Европе (Южной Чехословакии, Австрии, Баварии и др.), принадлежит кельтам.

На основании новейших исследований венетского языка можно принять, что он близко родственен с итальянскими языками, с другой же стороны, с кельтским, а также и с иллирийским⁵. Вообще кельтский, итальянский и венетский составляют особую подгруппу среди центрально-индоевропейских языков, которая характеризуется изоморфемой — окончанием родительного падежа единственного числа *-i*. Она даже может быть обособлена как западноиндоевропейская группа. Скучный материал об иллирийском языке не дает возможности окончательно решить вопрос о его языковом характере: более ли он близок к фракийскому (Н. Йокль, П. Кречмер, А. Майер) или же к венетскому (Х. Крае)? Все-таки Крае неправильно приписывает иллирийскому ряд элементов, принадлежащих венетскому или другим индоевропейским языкам. Предположение о наличии иллирийцев на севере от Балканского полуострова, даже вплоть до Балтийского моря (Р. Мух, Г. Коссинна, М. Фасмер,

¹ См.: V. G e o r g i e v, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», Bd. LXIV, 1937, стр. 104 и сл.; М. М. Г у х м а н, примечания к кн. Э. П р о к о ш «Сравнительная грамматика германских языков» (М., 1954, стр. 335 и сл.).

² Относительно общих элементов в тохарском и северно-индоевропейской группе см. W. P o r z i g, указ. соч., стр. 182 и сл.

³ В. В. И в а н о в (см. «Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Автореф. канд. дисс.», М., 1955, стр. 15) приводит некоторые данные о более тесном родстве хетто-лувийских языков с «тохарскими». Скучный материал еще не дает нам возможности окончательно определить положение «тохарского» языка среди других индоевропейских языков.

⁴ Ср. А. M e i l l e t, «Esquisse d'une histoire de la langue latine, 2-e éd., Paris, 1931, стр. 16 и сл.

⁵ Ср.: P. K r e t s c h m e r, «Glotta», Bd. XXX, 1943, стр. 134 и сл.; И. М. Т р о н с к и й, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 56; Н. К г а h e, Sprache und Vorzeit, стр. 124; W. P o r z i g, указ. соч., стр. 95.

Ю. Покорный, Х. Крае), неправдоподобно¹. Можно принять, что иллирийский является переходным между венетским и фракийским языками.

2. К центральной подгруппе принадлежат греческий, фракийский и индо-иранский. Близость упомянутых языков в известной мере заглушается вследствие исчезновения фракийского, бывшего звеном между греческим и индо-иранским, а также некоторых переходных диалектов между греческим и фракийским. Известны многочисленные общие элементы в морфологии и лексике греческого и древнеиндийского. Именно они и благоприятствовали быстрому развитию сравнительного индоевропейского языкознания в его зачатках². Большей частью это общее состоит в сохранении старых черт, которые в других языках исчезли полностью или частично. Есть, однако, и общие образования нового порядка в греческом и индо-иранском. Вот некоторые из более характерных общих для обоих языков явлений: переход и.-е. $\eta > a$; суффикс сравнительной степени греч.-терос=др.-инд.-*taras*; глагольное окончание греч.-*-ται*=др.-инд.-*-te*; по своему словообразованию и значению греческие слова *ἔχου-φιν*, *χόλος*, *πέλιτνος*, *ἔπος*, *ἦδονη*, *ἔπος*, *καίνος*, *ἔλος*, *υἱλοῖ*, *Κέρβερος*, *ἄρειη*, *πέλεκυς*, Πάυ соответствуют в точности др.-инд. *vāhas-* (ср. род), авест. *zāra-*, др.-инд. *palitā-*, *paliknī*, *vatsa-*, *svādana-m*, *vacas-*, *kanya*, *sāras-*, *sa-hāsra-*, *karbarā-*, *irasyā*, *paraśū-*, *Pūśān-*.

Однако индо-иранский обособился уже в очень раннюю эпоху, что видно, например, из отсутствия в индо-иранских языках терминов земледелия, свойственных индоевропейским языкам Европы. О македонском языке по скудным материалам, которыми мы располагаем, можно предположить, что он был переходным между греческим, фригийским, фракийским и иллирийским языками. Фригийский можно считать переходным диалектом между фракийским (армянским) и греческим языками. Фракийский язык, на котором говорили в весьма обширной области, занимал центральное место между северной и южной группами; он имеет общие черты как с балто-славянским и индо-иранским, так и с пеласгским и ликийским языками. Ближе всего к последним был армянский язык, который можно считать особым фракийским диалектом.

В. Южноиндоевропейская группа состоит из пеласгского (или «догреческого»), ликийского, иероглифического «хеттского», этрусского, лидийского (карийского), лувийского и хеттского³. Характерно для этой группы передвижение согласных (*Lautverschiebung*), переход *δ* в *ā*, сохранение ларингального (или ларингальных) звука, как и ряд морфологических особенностей. Южноиндоевропейские языки можно распределить в две подгруппы: пеласгско-ликийскую и хетто-лувийскую. Однако скудные данные о большинстве из упомянутых языков не дают достаточно точек опоры для их более четкого разграничения.

Племена южноиндоевропейской группы занимали южную (и юго-восточную) часть Балканского полуострова, а также и Западную Малую Азию, по крайней мере уже в эпоху неолита. В некоторых наиболее старинных географических названиях в восточной части Балканского полуострова,

¹ Ср. P. Kretschmer, «Glotta», Bd. XXX, 1943, стр. 99 и сл.

² Об этом см. W. Porzig, указ. соч., стр. 158 и сл. См. и H. Grabe, Sprache und Vorzeit, стр. 144.

³ Относительно этих языков см. В. Георгиев, ВЯ, 1954, № 4, стр. 49 и сл.; специально о «пеласгском» или «догреческом» см. также: W. Brandenstein, Griechische Sprachwissenschaft, I, Berlin, 1954, стр. 6, 8 и сл., 12 и сл.; H. Grabe, Sprache und Vorzeit, стр. 157 и сл.; W. Merlingen, Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich — vorhistorischen Grundlagen, Wien, 1955.

как, например, в названиях рек 'Αδρος = Янтра (<и.-е. *ētru-s), 'Αρτζίνης, 'Αρτισκός (ср. греч. ἄρτω), Timachus (<и.-е. *tīm-āk^wā), Траῦος (ср. иллир. Dravus)¹, Utus = Вум (<и.-е. *ūdos), открывается наличие передвижения согласных. Эти слова могут быть отнесены к какому-то особому фракийскому диалекту, например, армянскому. Но можно также предположить, что до фракийцев в восточной части Балканского полуострова жило население, язык которого принадлежал к южноиндоевропейской группе. Армянский можно считать переходным диалектом между центральной и южной группами.

*

В III тысячелетии до н. э. большинство из индоевропейских языков, распространенных на довольно обширной территории, были уже обособлены в отдельные языки. Все-таки они были близко родственны между собой, приблизительно так же, как современные славянские языки.

Из рассмотренных здесь трех групп до второй четверти XX в. лучше всего была известна центральная (индийский, греческий, латинский) и только в известной степени северная (германский и балто-славянский), так как письменные памятники германских и балто-славянских языков принадлежат к гораздо более поздней эпохе. Сравнительная грамматика индоевропейских языков (так, как ее излагают, например, Бругман или Мейе), включая предположения относительно праистории индоевропейских племен и их языков, строилась главным образом на основании данных центральной индоевропейской группы и отчасти — северной. Только во второй четверти XX в. языковеды получили возможность познакомиться также с языками южной индоевропейской группы, что в значительной мере способствовало пополнению и уточнению знаний по сравнительной грамматике индоевропейских языков и их истории.

¹ Ср. M. V a s m e r, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. V, 1929, стр. 363.